

САМО-
РАЗВИТИЕ
ПО
ТОЛСТОМУ

ВИВ

жизненные уроки
из 11 произведений
русских классиков

ГРОСКОП

Вив Гроскоп
Саморазвитие по Толстому.
Жизненные уроки
из 11 произведений
русских классиков

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69240271
Саморазвитие по Толстому. Жизненные уроки из 11 произведений
русских классиков: Индивидуум; Москва; 2019
ISBN 978-5-6042196-8-3

Аннотация

Журналистка The Telegraph и профессиональный комик Вив Гроскоп в сложный жизненный период нашла в великих русских романах не только утешение, но и душеполезные советы, которые помогли ей выбраться из бедственного положения, – и решила описать этот опыт. В «Саморазвитии по Толстому» она на собственном примере и судьбах русских классиков показывает, что даже из самой сложной ситуации можно найти выход с помощью литературы: «Анна Каренина» облегчает кризис идентичности, тургеневская пьеса «Месяц в деревне» помогает пережить несчастную любовь, а «Мастер и Маргарита» – справиться с тяжелейшими обстоятельствами. Лев Толстой,

Федор Достоевский, Анна Ахматова, Антон Чехов, Николай Гоголь и другие в книге Гроскоп – не бронзовые памятники, а живые люди, которые тоже страдали и сомневались, их обуревали тысячи страстей, но они сумели сохранить достоинство и остались самими собой. «Саморазвитие по Толстому» – занимательная попытка посмотреть со стороны на сюжеты, знакомые каждому русскоязычному читателю со школьной скамьи, и понять, почему мы так любим слова «душа» и «судьба».

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Введение	10
1. Как найти настоящего себя:	22
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Вив Гроскоп

Саморазвитие по Толстому

Жизненные уроки

из 11 произведений

русских классиков

Viv Groskop

Anna Karenina Fix. Life Lessons from Russian

Literature

*** * ***

© Viv Groskop, 2017

This edition is published by arrangement with Curtis Brown

UK and The Van Lear Agency

© Автор изображения на обложке – Erik Linton

© ООО «Индивидуум Принт», 2019

Предисловие к русскому изданию

Выход этой книги в России – и по-русски – огромная радость и честь для меня. Хотя слава богу, что переводить ее пришлось не мне. Это заняло бы у меня лет тридцать семь, и я сделала бы такое количество ошибок, что вы вообще вряд ли бы что-нибудь из нее поняли. Даже слово «Толстой» я могла бы написать с ошибками, а уж в падежных окончаниях наверняка бы запуталась. (Зачем вы только придумали все эти падежные окончания?) В этимологии слова «самогон» я бы ошиблась совершенно точно. (Я уверена, потому что именно это и сделала в первом английском издании книги. Я всегда считала, что «самогон» происходит от «сам огонь» – от чего же еще он мог произойти? На самом деле, конечно, имеется в виду, что его гонят в домашних условиях. Ошибка была исправлена. Но я все равно продолжаю воспринимать самогон как «сам огонь». Так веселее.)

Так вот. Эта книга – история моего романа с русскими словами и русскими людьми. История любви такой же яркой, как сам огонь. Мне ужасно приятно, что любой русский читатель этой книги будет знать как минимум, что где-то там есть множество иностранцев, любящих русскую литературу и культуру. Эта любовь столь сильна, что больше всего мы мечтаем услышать в свой адрес, что у нас русская душа. Пожалуйста, не забудьте мне это сказать, если мы когда-нибудь

встретимся.

Когда ты любишь что-то, тебе не принадлежащее, то в пылу страсти можешь многое понимать неправильно. Я уверена, что некоторые места в этой книге заставят русского читателя нахмуриться и подумать: «Что за ерунду пишет эта сумасшедшая англичанка? Анна Ахматова была совершенно не такой. И к чему она рассказывает эту историю про вареное яйцо? Что, черт возьми, она хочет этим проиллюстрировать?» Да, я наделала ошибок. Да, с какими-то из моих слов вы вполне можете не согласиться. Какие-то произведения я вообще могла не понять. Но надеюсь, что вам будет ясно одно: я сделала все это с любовью. С огромной любовью. Поэтому простите мне то, что покажется вам бредом сумасшедшей иностранки. (Хотя глупо отрицать: вся эта книга была написана сумасшедшей иностранкой, которая думает, что «самогон» означает «сам огонь», и утверждала это на протяжении многих лет. «Слушайте, а вы знаете, что русские называют изготовленную дома водку „сам огонь“? Круто, правда?»)

Я знаю, что мое представление о «русскости» – фикция, существующая только у меня в голове. Я жила в России (в Москве и Санкт-Петербурге). Я выучила русский язык (только не задавайте мне вопросов о предложном падеже, пожалуйста). У меня много русских друзей. Я изучала русскую культуру на протяжении многих лет. Но я никогда не стану русской и никогда не смогу воспринимать русскую лите-

ратуру так, как ее может воспринимать русский читатель. В этом, с моей точки зрения, и заключается смысл «Саморазвития по Толстому»: это окно в русскую культуру в представлении чужака. Моя книга – свидетельство как минимум мощи этой культуры. Если уж я – человек, который даже не может с достаточной степенью убедительности продемонстрировать разницу в произношении твердого и мягкого «л» (зачем вы только придумали это твердое и мягкое «л»?), – смогла извлечь из нее столь многое, то какая же это потрясающе богатая и волшебная культура!

Я хотела стать писателем для того, чтобы не чувствовать себя таким одиноким человеком. Рассказывая свои истории, излагая свои мысли, мы становимся частью чего-то большего. Когда мы читаем написанное кем-то другим и думаем: «О, и я тоже так думаю», жить становится немного легче. Надеюсь, что русский читатель найдет в этой книге много моментов, которые сокращают расстояние между нами – эмоционально, психологически и географически.

Это кажется мне особенно важным сейчас. Сегодняшний мир полон гнева, страха и неуверенности. Мы часто забываем, что все это свойственно человеческой природе и что Пушкин с Толстым уже писали об этом много лет назад. Эта книга – напоминание не только о том, что все мы ближе друг другу, чем кажется, но и о том, что прошлое ближе к нам, чем мы готовы признать. «Саморазвитие по Толстому» – это ода общечеловеческой мудрости трех столетий русской куль-

туры, мудрости настолько глубокой, что ее можно понять даже в переводе и несколькими веками позже. Это воплощение идеи о том, что, когда мы погружаемся в книгу, нам становятся не нужны национальность и гражданство – потому что мы оказываемся в глобальном сообществе читателей. Наконец, для меня это также возможность публично заявить о том, что я обожаю эскимо – если мы когда-нибудь увидимся, обязательно меня им угостите. Я съем его с огромным удовольствием, пока вы будете рассказывать мне о моей русской душе. Спасибо за внимание.

Введение

Классической называется книга, которую все хвалят и никто не читает.

Марк Твен

Враг выпечки, Толстой не был одним из тех невыносимых людей, которые идут по жизни с легкостью, не отягощенные разочарованиями и тревогами. На наше утешение, он постоянно пытался понять, почему жизнь иногда бывает мучительной, даже если не происходит ничего особенно ужасного. Его сопереживание экзистенциальной человеческой боли во многом удивительно, потому что он вел монашеский образ жизни и позволял себе крайне мало удовольствий, а то и вовсе от них отказывался. В отличие от всех нас, ему нечего было стыдиться. Толстой был меньше всего похож на какого-нибудь неразборчивого потребителя пива и пончиков. Он позволял себе немного сладкого пирога только на семейных торжествах, и даже тогда это мог быть только определенный пирог – испеченный женой «анковский», кислый лимонник, названный по фамилии семейного врача. В остальное время он ел простую и не отличающуюся разнообразием пищу. Один из сотрудников музея-усадьбы Л. Н. Толстого в Ясной Поляне не так давно обнаружил рецепты пятнадцати люби-

мых блюд писателя из яиц, которые он ел в строгой очередности. Например, яичница-болтуня с укропом и горох с яйцами. Он не употреблял алкоголь. Он не ел мяса. Но, несмотря на все это, он часто чувствовал себя ужасным человеком.

Наверное, именно этот мучительный образ мыслей привел писателя к созданию «книги полезных советов» задолго до огромной популярности, которую этот жанр завоевал в начале XX века. Она полна вдохновляющих цитат, которые мы теперь привыкли встречать в виде магнитов на холодильнике и в рекламе ретритов для практикующих медитацию. Некоторые из этих высказываний принадлежат самому Толстому:

Мы лишь тогда истинно живем для себя, когда живем для других.

Если богатый человек будет истинно милосерд, он скоро перестанет быть богатым.

Труд не есть добродетель, но неизбежное условие добродетельной жизни.

Остальные изречения принадлежат вдохновлявшим его писателям и мыслителям: Руссо, Плутарху, Паскалю, Эпиктету, Марку Аврелию, Эмерсону, Джону Рескину, Генри Торо и другим; присутствуют также цитаты из Талмуда и Биб-

лии. К чести Толстого, «Круг чтения» – труд крайне серьезный и был написан из лучших побуждений. Это успокаивающая, поразительная и часто неожиданно увлекательная книга: «Кто охвачен низменной жаждой телесных наслаждений – этой жаждой, полной отравы, – вокруг того обовьются страдания, подобно выющейся повилике. – Буддийская мудрость». (По мне, так давайте уже сюда телесные наслаждения, а с повиликой мы потом как-нибудь разберемся.) «Круг чтения», известный также под названием «Мысли мудрых людей» или «Календарь мудрости», содержит по одной странице изречений на каждый день года, которые собирались Толстым на протяжении шестнадцати лет. Ставшее популярным издание увидело свет в 1912 году, через два года после его смерти.

Многие цитаты прямо противоречат основному посылу, продвигаемому сегодняшним движением «личностного развития», которое призывает нас всей душой отдаться искусству любить себя – или, по крайней мере, перестать себя ненавидеть. В «Круге чтения» нас призывают к обратному. Гордыня и любовь к самому себе – зло, а если кого и надо ненавидеть, так это себя. (Это буквальная цитата, и она очень типична для Толстого, которому было неинтересно делать что-либо приятное, простое или веселое.) Толстой предлагает нам радикальную аскезу, при которой похоть особенно опасна, а переедание – грех, потому что означает отсутствие самоуважения. Вот еще несколько цитат. 4 июня:

«Благодаря извращению христианства жизнь наша стала хуже языческой». Некоторые из изречений мучительно загадочны. 27 октября: «Свет остается светом, хотя слепой и не видит его». А все, что касается женщин, обычно не предвещает ничего хорошего. 2 июня: «Женщина делает большое дело: рождает детей, но не рождает мыслей, это делает мужчина».

Толстой видел эти изречения как инструкцию по выживанию во времена кризиса и собрание «круга лучших писателей», чьи мысли могут привести к спасению души. Как пишет Роджер Кокрелл, переводчик последнего издания «Круга чтения» на английский, главная цель Толстого состояла в том, чтобы «заставить всех нас не покладая рук стремиться к самосовершенствованию». Не то чтобы я говорю, что Толстой – это бородатая Опра Уинфри. (Ну, в каком-то смысле так и есть. И в любом случае мне приятно представлять их вместе.) Но он инстинктивно мыслил так, как станет крайне популярно мыслить столетием позже. Он был твердо убежден в том, что единственный способ справиться с тяжким грузом современной жизни – найти нужные жизненные уроки и применить их к себе. Моя книга следует тому же стремлению и представляет собой попытку последовать за этой «уинфрианской» стороной Толстого. Он точно был бы за. Пожалуйста, не ешьте слишком много, когда будете ее читать. Ни Опра Уинфри, ни Толстой этого бы не одобрили.

С общепринятой точки зрения русская классика – не то

место, где стоит искать рекомендаций, как стать счастливее. Русская литература полна мрачных персонажей в поисках ответа на вопрос о том, как же, черт возьми, они оказались в такой отвратительной ситуации; отчаянно пытаясь найти кого-нибудь, кого можно было бы в этом обвинить, они наконец понимают, что с самого начала были правы: жизнь действительно крайне обременительна и постоянно бесит, и все мы просто ждем смерти. Но они в то же время учат нас, что все можно пережить, а это крайне важно. И что от жизни можно получать удовольствие, и это прекрасно. Толстой, человек своего времени, искал ответы в философии и религиозных текстах; многие же из нас ищут утешение, читая книги о жизни других, будь то художественные или нет. Крылатые выражения в «Круге чтения» полезны, они могут вдохновлять и иногда даже изменять жизни, но по-настоящему людей изменяют великие литературные произведения, демонстрирующие внутреннюю жизнь других и нашу общую человеческую сущность. Эти произведения позволяют нам представить другие версии нас, при этом без необходимости убивать старух («Преступление и наказание»), вести дружескую беседу с Сатаной на скамейке («Мастер и Маргарита») или бросаться под поезд («Анна Каренина»). Предупреждаю: для кого-то в этой книге найдется несколько спойлеров, что, на мой взгляд, вполне простительно, учитывая, что большинство этих произведений увидели свет больше ста лет назад.

Нет ничего удивительного в том, что сам Толстой не использовал в своем собрании полезных советов художественную литературу. Было бы странно ожидать от него признания пользы чтения романов. В конце своей жизни он пережил невероятный духовный кризис и практически отказался от «Анны Карениной» и «Войны и мира» – созданий грешного легкомысленного глупца. Неудивительно, что он обратился к Библии. Но я хотела бы поддержать позицию, противоположную занятой Толстым. Философия и религиозные тексты имеют право на существование. И душеполезные афоризмы древних греков всегда могут нас утешить. Но именно в литературе – в романах, пьесах или поэзии – мы видим настоящих себя. И, что еще более важно, видим, кем мы быть не хотим.

Но сначала я хотела бы сделать важную оговорку. Это не аналитическая работа, не оригинальное исследование и не диссертация по русской литературе. Я не планировала представить на суд читателя новейшую интерпретацию русской литературы. Здесь не будет сносок, хотя я старалась по возможности указывать источники цитат. Эта книга – инструкция по выживанию с помощью подсказок, спрятанных в великой русской классике. Это изучение ответов, которые давали писатели на жизненные вопросы, серьезные и несерьезные. В то же время это признание в любви дорогим моему сердцу книгам, которые в какой-то момент помогли мне найти себя и спасли меня, когда я снова себя потеряла. Кроме

того, эта книга о моментах, когда человек ведет себя как идиот, что в моем случае случилось на удивление часто и продолжает случаться вне зависимости от того, насколько старше я становлюсь.

Русская литература достойна куда более многочисленных признаний в любви от полных идиотов. Она слишком долго принадлежала очень умным людям, которые не хотят ее ни с кем делить. Представление о том, что для чтения русской классики нужно принадлежать к тайному обществу избранных, не соответствует действительности. Совершенно не обязательно знать русский язык или планировать его выучить, хотя в моем случае именно помешательство на изучении русского привело меня к этим книгам. Даже историю России знать совсем не обязательно, хотя в процессе чтения вы совершенно точно многое о ней узнаете. И вовсе незачем переживать о том, насколько хорош перевод. Или о том, понимаете ли вы хоть что-нибудь. Или о том, есть ли у вас под боком самовар. Русская литература доступна всем нам.

У меня два диплома по русскому языку, и я потратила огромное количество времени, сочетая железную дисциплину с распитием зубровки, чтобы научиться на нем бегло говорить. Но несмотря на все это, я не эксперт. Эти книги подарили мне радость и надежду, чего я совершенно не ожидала и что продолжает меня бесконечно удивлять: я выросла в доме не из тех, где принято задавать друг другу вопросы типа «А тебе не кажется, что Николаю в „Войне и мире“ луч-

ше было бы жениться на Соне?» (Честно говоря, мне сложно представить себе человека, который захотел бы жить в таком доме.) Главное, что я узнала о русских романах: их не надо бояться. И уж точно не стоит считать их уникально «серьезными» и «академичными», что значит, как все мы знаем, «пыльными» и «скучными».

Пора уже избавить такое чтение от всех сомнений, снобизма и претенциозности. Эта книга – ода искусству чтения как таковому, которое всегда остается делом совершенно личным; она призывает читателя позволить себе читать так, как хочется, не думая о том, что кто-то знает больше и что вы, наверное, неправильно все понимаете. Как бы мы ни понимали эти книги – мы понимаем их правильно. Я заявляю с полной ответственностью: если эти романы пугают вас своими размерами, читайте их по частям. Не бойтесь не закончить роман или вернуться к нему через несколько лет. Читайте медленно и не переживайте о том, что от вас ускользнет какая-то мелочь. Читайте классику в постели, в автобусе, в том месте, которое Владимир Путин назвал бы «сортиром». (Однажды он выступил со знаменитой речью, в которой заверил свой народ в том, что враги России больше нигде не чувствуют себя в безопасности, даже в сортире. Прошу вас, найдите как можно более безопасный сортир, о котором Путин точно не знает, и получите удовольствие от нескольких страниц «Трех сестер».)

Рассматривая трудные моменты жизни на примерах из

одиннадцати русских классических произведений, я буду также обращаться к примерам из биографий их авторов. Довольно часто наблюдается несоответствие между тем, к чему они призывают в своих книгах, и тем, что с ними происходило. Классический пример тут – Толстой. Многие из противоречий, нюансов и хитросплетений в «Анне Карениной» и «Войне и мире» можно объяснить, зная о его последующем духовном кризисе. Когда Толстой писал эти книги, он глубоко сопереживал своим героям, стремясь показать их подлинные жизни и чувства. Впоследствии он стал жалеть, что потратил на них время, и перестал писать такого рода романы. Понимание этого внутреннего конфликта придает его книгам еще более глубокий смысл.

Меня всегда завораживало пространство между жизнью автора, жизнью читателя и самим текстом. Читателя и писателя объединяет то, что и тот, и другой реальны. Они знают, какой сложной может быть жизнь. Они также знают, как трудно передать человеческий опыт точно, живо и достоверно. Однако эти два человека встречаются на странице книги благодаря ее сюжету, истории. История подменяет человеческий опыт, как дублер на съемках фильма. Это мнимость, выдумка. Договор между писателем и читателем предполагает, что писатель должен заставить читателя поверить в выдуманную историю. И именно благодаря такому соглашению эти двое людей мысленно встречаются и «обсуждают» человеческую жизнь. Это удивительный договор, и в русской ли-

тературе он имеет особую силу.

Мне интересно, чему могут научить нас эти книги – чтобы нам не нужно было по-настоящему переживать то, что в них описано. Романы дают возможность примерить на себя жизнь других, оценить, простить и понять их. Они показывают нам не только как нужно жить, но и как жить не стоит. Пожалуй, последнее им удастся даже лучше. Как отмечали многие критики, первое предложение «Анны Карениной» великолепно написано и врезается в память. Но его содержание не то чтобы подтверждается самим романом: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». В книге нет счастливых семей. Если бы Толстой хотел показать нам счастливую семью, он бы это сделал. Но он поступает иначе. Он показывает нам множество несчастливых семей, у членов которых, по иронии, много общего: неспособность разговаривать друг с другом; постоянные мысли о том, что у кого-то дела обстоят лучше, чем у них; что в их жизни чего-то не хватает. Если Толстой и преподносит нам какой-то урок, то он должен называться так: «Как не следует жить». Часто его романы – не столько пособия по правильной жизни, сколько поучительные истории, предостерегающие от опасных ошибок. Возможно, такие истории более реальны, лучше запоминаются и поэтому полезнее любой книги по саморазвитию.

Поскольку жизнь – сложная штука и русская литература тоже непроста, некоторые из одиннадцати произведений, о

которых пойдет речь, исключительны. Часть из них сложно назвать романами. «Евгений Онегин» Пушкина – это роман в стихах; «Реквием» Ахматовой – поэма из десяти стихов; «Три сестры» Чехова – пьеса, как и «Месяц в деревне» Тургенева. Гоголь утверждал, что «Мертвые души» – это эпическая поэма (на самом деле нет – это, со всей очевидностью, роман). Итак, моя книга в основном рассказывает о вымышленных мирах, но точнее будет сказать, что она о классических произведениях своего времени и о том, что они могут рассказать нам о жизни – на все времена.

В этом перечне могли оказаться и другие книги. Но мне пришлось отказаться от многих великих произведений («Братьев Карамазовых» Достоевского, «Героя нашего времени» Лермонтова, поэзии Марины Цветаевой), чтобы эта книга не сравнялась по объему с «Войной и миром». Приношу свои извинения русофилам, чьи любимые шедевры здесь не представлены. Одной из книг, которые я очень хотела сюда включить, была «Шинель» Гоголя. На мой взгляд, сюжет этого рассказа представляет собой краткое содержание всей русской литературы. В нем идет речь о мелком чиновнике, который откладывает деньги, чтобы купить шинель. Он копит нужную сумму на протяжении долгого времени. Очень долгого времени. В день, когда он наконец становится счастливым обладателем шинели, ее у него крадут. Вскоре после этого он заболевает и умирает. Это типичный для русской литературы жизненный урок.

Я вас предупредила.

1. Как найти настоящего себя: «Анна Каренина» Льва Толстого (Или «Не стоит бросаться под поезд»)

*Все разнообразие, вся прелесть, вся красота
жизни складывается из тени и света¹.*

«Анна Каренина» попалась мне в руки, когда я была подростком. Это событие совпало с тем периодом моей жизни, когда я все отчаяннее хотела узнать о своих корнях. Не помню ни одного момента в детстве, когда моя фамилия не казалась бы мне крайне странной, непонятной и в конечном счете необъяснимой. Узнавать о людях со столь же удивительными именами и фамилиями было для меня большим облегчением. Меня никогда не смущали странные имена в русской литературе. Это было мне знакомо. Я чувствовала солидарность с ними. Не пугало меня и то, что я не могла с уверенностью произнести их вслух, потому что выросла, не зная никакого языка кроме английского. Однако я доста-

¹ «Анна Каренина». Ч. 1, гл. IX.

точно пожила с непроизносимым именем; я понимала, что это не так уж важно, даже если кому-то казалось иначе. «Вив Гроскоп. Что за странное имя?»

Я выросла в Сомерсете на юго-западе Англии, в семье, которая считает себя совершенно обычной, нормальной и британской. Абсолютно точно британской. Я неоднократно слышала это в детстве. История нашей семьи не содержала ни намека на иностранное происхождение. Мой дед родился в Барри на юге Уэльса. Бабушка – в Манчестере. Отец – из Лондона, а мать и вся ее семья – из Северной Ирландии. Никто не родился за границей. Я ведь уже говорила, что иностранцев в нашей семье не было? Прадед и прабабка с материнской стороны были из Северной Ирландии, а с отцовской – родились в Уэльсе или на севере Англии. Маленькой девочкой я встречалась с некоторыми из них. Иностранцев среди них не было. Как видите, я достаточно убедительно, на мой взгляд, доказала, что никаких иностранцев в нашей семье отродясь не было.

Все, что мы делали, было очень британским. Или английским. В разницу между тем и другим лучше не вдаваться. В основном все же британским – мой дед любил при случае подчеркнуть свою валлийскость. Да и маму, родившуюся в графстве Антрим², никто не хотел задевать. В детстве я проводила много времени с дедом и бабушкой по отцовской ли-

² Одно из шести графств (британской) Северной Ирландии. – Здесь и далее примечания переводчика.

нии. Дед, на протяжении тридцати лет державший бакалейную лавку, питал патологическую неприязнь ко всему иностранному, особенно еде. Лазанья, минестроне, чеснок – все это было «заграничной дрянью». В нашем доме любили то, что было предметом обожания владельца бакалейной лавки, предлагавшей широкий ассортимент полуфабрикатов: сухой мусс *Angel Delight*, заварной крем *Bird's*, консервированный горошек. Это было гораздо безопасней заграничной дряни.

Единственным, что не встраивалось в этот образ консервированной, бакалейной, не подвергаемой сомнению британскости, была маленькая незадача с нашей фамилией; для меня это было загадкой – как можно быть такими закоренелыми британцами и носить фамилию Гроскоп. Я очень рано начала понимать, что что-то здесь не так. Еще до того, как узнала, что большинство членов семьи моего деда сменили написание своей фамилии с Groskop на Groscoп. Так что кроме нас никого не звали Groskop. Еще одна загадка. Кого вы пытаетесь этим обмануть, думала я про себя, не забывая писать нашу фамилию через «с» на рождественских открытках для пожилых родственников, но каждый раз думая о том, как же все это странно.

Хитрый ход Гроскопов через «с» всегда казался мне совершенно безнадежным. Они сделали из фамилии, звучащей по-иностранному, но все же доступной для восприятия, фамилию, звучащую по-иностранному и совершенно невероятную. В то время как мы, Гроскопы через «к», носили

свой титул со спокойным достоинством – еще бы, мы не продались и не стали Гроскопами через «с»! – но, судя по всему, безо всякого интереса.

У семьи не было разумных версий о происхождении фамилии. Дед иногда был готов поговорить об этом, если зажать его в угол, но все кончалось нашими насмешками над тем, что она «уж точно не немецкая». Во время Второй мировой войны дед служил в Королевских военно-воздушных силах и согласился бы с происхождением своей фамилии из любой точки земного шара, кроме одной – Германии. В скором времени в школе я стала увлекаться языками и быстро поняла, что он был прав: немецкой наша фамилия быть не могла. В этом случае нас звали бы Гросскопф («большеголовые»). А мы были не Гросскопфами. Хорошо хоть так, думала я тогда. В качестве еще одной версии упоминалась Голландия. Но и в этом случае фамилия писалась бы по-другому. Высказывалась даже безумная идея, что мы приходим из Южной Африки – из языка африкаанс, который, как считается, близок нидерландскому. Мне было сложно в это поверить.

Из-за недостатка информации я немного помешалась на происхождении и именах. Когда мне было четыре года, у нас появилась кошка, симпатичная малютка черепахового окраса. Мне разрешили дать ей имя. Я назвала ее Джейн. Она примиряла меня с действительностью, хотя впоследствии я поняла, что это «кошачье» имя столь же мало ей подходило,

как мое «человечье» – мне. (Разве кошек зовут Джейн?) На протяжении многих лет я мечтала, чтобы у меня была фамилия Смит. Она казалась мне замечательной, прекрасной фамилией, которую никто никогда не произнесет и не напишет неправильно. И никто никогда не будет спрашивать, откуда я родом.

«Анна Каренина» попалась мне лет в двенадцать или тринадцать. Кажется, я купила ее в благотворительном магазине в середине 1980-х. Это было старое издание из серии *Penguin Classic*. На обложке была картина, которая часто используется как «портрет» Анны Карениной, – «Неизвестная» Ивана Крамского (1883). Мне очень понравился портрет, но книжку я купила из-за названия. Каренина. Фамилия одновременно простая и такая, какую не сразу решишься произнести. Я знала, что иногда ее произносят как «*Carry Nina*», но правильно – «Кар-рэй-ни-на», с ударением на «рэй». Я просто влюбилась в ее фамилию. А потом – в ее лицо. Не успела я увидеть эту поразительную женщину, ее бархатное пальто, алебастровую кожу, отороченный мехом берет и налет таинственности, как мое прыщеватое, пухлое, неуверенное в себе подростковое «я» подумало: «Это то самое „я“, которое я искала. Точно не немецкое, не голландское и не южноафриканское. Но почему бы не русское?» Этой мимолетной мысли было суждено изменить все течение моей жизни.

Кем была модель Крамского, неизвестно, и, чтобы защитить покрасневшие щеки моего двенадцатилетнего «я», мы

не будем останавливаться на том факте, что она, скорее всего, была проституткой. В 1873 году художник написал портрет Толстого, когда тот только начинал работать над романом. Хотя Крамской никогда не утверждал, что писал портрет Анны Карениной, вполне возможно, что роман к тому моменту он прочел и, работая над портретом, представлял именно ее. Но мы не можем быть уверенными, что это она. Тем не менее показательно, что увидеть Анну Каренину в этом портрете хотели многие. Мы хотим, чтобы Незнакомка была настоящей. Особенно те из нас, кто хочет ею быть.

Это желание сложно назвать достойным – к тому же оно в любом случае обречено на провал. Прочитав роман первый раз, я некоторое время сходила с ума по густым ресницам Анны Карениной. Толстой обожал мелкие детали женского лица. Он пишет, что серые глаза Анны казались темными от густых ресниц. Вдохновившись образом этой завораживающей красоты, я стала пользоваться щипчиками для завивки ресниц, чтобы достичь похожего эффекта. Если вы никогда не видели щипчики для завивки ресниц, то они похожи на миниатюрный средневековый пыточный инструмент и требуют хороших навыков и большого внимания. Как-то за этим занятием я отвлеклась и чихнула. В результате я выдрала себе все ресницы с одной стороны и долго смотрела на мир с прищуром на один глаз. Ресницы восстановились через год. Гораздо позже я выяснила, что в одном из ранних черновиков Толстой одарил Анну пушком над верхней губой. С этим

мне было бы проще – и совсем не так больно, как при случайном удалении ресниц. У Лизы в «Войне и мире» тоже были усики. А у Толстого явно был фетиш.

Желание отождествить себя с Анной Карениной как героиней, поверить в ее «реальность», поверить, что она – это мы, понятно. Именно в этом один из секретов притягательности романа. На первый взгляд «Анна Каренина» кажется нравоучительным повествованием об обреченном, прекрасном, но запретном романе. На самом деле эта книга о самоидентификации, цельности и смысле жизни. Кто мы и зачем мы здесь – ключевые вопросы романа. Именно эти вопросы мучили Толстого и, вскоре после издания «Анны Карениной», заставили его отречься от своего шедевра и замкнуться в себе. Отчасти это ощущение кризиса и стало причиной моей глубокой привязанности к роману на протяжении всей жизни. Он представляет собой потрясающее размышление о том, кто мы и что мы здесь делаем. Но в нем нет ответов на какие-либо вопросы. Это может свести с ума кого угодно. По сути дела, это чуть не довело Толстого до самоубийства.

При этом «Анну Каренину» легко читать и не превращаясь в снедаемого самоистязанием религиозного маньяка. Потому что это отличная история. Анна Аркадьевна Каренина – жена Алексея Александровича Каренина, высокопоставленного чиновника. Ей от 25 до 30 лет. Муж старше ее на два десятилетия. Ей скучно, она разочарована в жизни. Она увлекается привлекательным молодым офицером по фами-

лии Вронский, который не то чтобы неприятный человек, но особо ничем не примечателен, кроме своей внешности. Их роман страстен и нежен, но в конечном счете Анна перестает получать от него удовольствие, поскольку чувствует себя виноватой – не столько из-за своего надоевшего мужа, Каренина, сколько из-за материнской любви к сыну Сереже. Решившись наконец на развод и рискуя тем самым лишиться сына, Анна теряет самообладание и исчезает под колесами поезда. Печаль.

Параллельно с историей Анны развивается история Левина, принципиального молодого интеллектуала, который своим характером чем-то напоминает – какой сюрприз! – нашего уважаемого автора. (Ко времени написания «Анны Карениной» Толстой издал роман «Война и мир», который пользовался большим успехом и принес ему известность.) Левин – друг брата Анны, Стивы. Но между ними есть и другая связь: свояченица Стивы Кити пользуется вниманием и Левина, и Вронского (до того как он влюбляется в Анну). Развивающиеся постепенно отношения Левина с Кити, с их умеренностью и умиротворенностью с одной стороны и (потенциально) скукой и предсказуемостью с другой, служат явным контрапунктом к роману Вронского и Анны с его тревожностью и обманом доверия, обратная сторона которых – воодушевление и риск. На эту параллель между двумя парами редко обращают внимание, хотя она имеет ключевое значение для понимания того, что говорит нам Толстой о счастье. Ес-

ли бы Анна не соблазнила Вронского (или наоборот), Кити, скорее всего, не удалось бы создать отношения с Левиным. Счастье одного часто зависит от несчастья другого. А то, что мы считаем несчастьем, может в конечном счете привести нас к счастью. (Кити не должна была оказаться в серьезных отношениях с Вронским. Ничего хорошего из этого бы не вышло.)

На первый взгляд, «Анна Каренина» – роман об отношениях и, что еще важнее, об опасностях неверности. Но Толстой противоречит собственному замыслу, влюбившись в Анну Каренину и показывая вроде бы «несчастливую» жизнь менее однозначно, чем, наверное, собирался. Конечно, морализаторская линия в книге присутствует. И сама Анна Каренина жестоко наказана. Но в том, как Толстой о ней пишет, сложно не заметить его сочувствие к ней. Главный урок романа заключается в том, что нужно найти себя, чтобы прожить настоящую жизнь. Анна понимает, что ее жизнь с Вронским была бы настоящей, но она невозможна, в результате чего у нее остается единственный выход – покончить с собой. Если мы хотим вычитать в книге что-то революционное, то это определенно можно сделать. Смерть Анны можно трактовать не как ее «неправильность», а как высказывание об общественной морали того времени. «Смотрите, что вы с ней сделали; а ведь все, в чем она виновна, – это любовь и попытка быть самой собой». Если в романе и делается какой-то вывод, то он явно неоднозначный. Жизнь Левина ка-

жется «правильной». Но именно Анна по-настоящему жива, хотя и обречена на наказание.

Неудивительно, что «Анну Каренину» часто называют лучшим романом всех времен и народов – потому что книга ставит эти сложнейшие вопросы, не предлагая простых ответов. Так считал и Уильям Фолкнер, и Достоевский. Набоков, невероятно придирчивый человек, не склонный терпеть неразумных³ (в этом он превосходит даже Достоевского, что непросто), говорит о «безупречной магии» стиля. Да и сам Толстой считал, что «Анна Каренина» как роман лучше «Войны и мира». Вообще-то он даже не считал «Войну и мир» романом, относясь к ней как к серии рассказов. «Анна Каренина» же была именно романом, причем – поначалу – автор считал ее хорошим романом. Мне интересно, что думала о Толстом его жена Софья, когда он говорил, что 2200-страничная «Война и мир» – «не роман». Она несколько раз переписывала это произведение. Подозреваю, что она использовала для его описания какие-то свои слова – наверняка уменьшительно-ласкательные.

Конечно, роман по-разному отвечает на вопрос «Как распорядиться своей жизнью?». Можно выбрать простую и не знающую сомнений жизнь в роскоши, как брат Анны Стива – человек, который пьет шампанское только с теми, кто ему симпатичен (а пьет он его со всеми)⁴. А можно выбрать

³ 2 Коринф. 11:19.

⁴ Ч. 1, гл. V: «Степан Аркадьич был на „ты“ почти со всеми своими знакомыми:

путь Левина: самопожертвование, праведность, духовность. Левин по идее должен быть олицетворением счастья – например, этому должен способствовать ровный, размеренный ритм его жизни. В действительности он не производит впечатления счастливого человека и часто мучается вопросом о том, достаточно ли времени он уделяет вспахиванию полей.

В «Анне Карениной» удивительным образом перемешаны гедонизм и самоистязание. Еще не успев пригласить нас в начале романа на роскошную трапезу, с устрицами и тюрбо, в гостинице «Англия» с братом Анны Стивой и его лучшим другом Левиным, Толстой начинает свой роман с эпиграфа из Ветхого Завета: «Мне отмщение, и Аз воздам». Эта цитата означает, что если в жизни и есть место возмездию, то оно определяется Богом по-своему. Нам же этим заниматься не стоит. Выбор именно этих слов в качестве эпиграфа к роману заставляет читателя задуматься и характеризует Толстого как человека, заикленного (или начинающего быть заикленным) на Боге и на идее о том, что воображать, будто мы распоряжаемся своей жизнью, – глупость (потому что ей распоряжается Бог, а не мы). Это звучит так, будто с нами говорит сам Господь. И эта фраза уж точно не характеризует Толстого как добродушного весельчака.

со стариками шестидесяти лет, с мальчиками двадцати лет, с актерами, с мини-страми, с купцами и с генерал-адъютантами, так что очень многие из бывших с ним на „ты“ находились на двух крайних пунктах общественной лестницы и очень бы удивились, узнав, что имеют через Облонского что-нибудь общее. Он был на „ты“ со всеми, с кем пил шампанское, а пил он шампанское со всеми...»

Жесткий, проповеднический тон этого зловещего эпитафия – предвестник тех произведений, на которых Толстой будет специализироваться позже, после того как практически отречется от «Анны Карениной». Уже во время написания романа его раздражают философские идеи, которые потом полностью им завладеют и приведут к монашескому образу жизни трезвенника-вегетарианца, потребителя вареных яиц и ярого противника выпечки. (Мне часто хочется отправить-ся в прошлое и уговорить его попробовать пончик с джемом. Я уверена, что он написал бы больше романов. Этому человеку были жизненно необходимы сладкие углеводы.)

Но одновременно этот эпитафио преподает нам странный урок самообмана. Я не могу отделаться от мысли, что Толстой-проповедник жаждет божьего отпущения Анне, этой грязной, отвратительной прелюбодейке. В то же время Толстой-человек (который сам совершил немало грязных, отвратительных прелюбодеяний) видит ее слабость и привлекательность и жаждет ее простить. Противоречивый эпитафио – ключ к пониманию романа, который не дает нам ясных, недвусмысленных указаний, как жить. С одной стороны, Толстой задумывает написать дидактический роман, где никто не смеет покушаться на законы Божьи без ужасных последствий и где Левин («хороший» Толстой) – главный положительный герой. Но с другой стороны, вопреки собственным намерениям, он создает прекрасный портрет Анны Карениной, исполненный сочувствия и сострадания. В Анне

можно увидеть не только героиню и женщину, но и продолжение самого Толстого – «плохого» Толстого, его безрассудной части, от которой он так хочет избавиться.

Эта противоречивость и делает Толстого лучшим учителем жизни: он и небезупречен, и откровенен одновременно (пускай и не всегда преднамеренно). Более того, он пытается скрыть эти свои качества. Даже самое поверхностное знакомство с его жизнью показывает, что он был удивительно, до крайности сложным человеком. Вот почему – не без оговорок – я его люблю. Толстой непрост, у него было много плохих черт и психологических противоречий, которые мучили его всю жизнь и от которых он отчаянно пытался избавиться. Но не эти ли качества мы ищем в друзьях на всю жизнь?

Все, что нужно знать о Толстом, хорошо иллюстрирует его поступок накануне свадьбы. Жениху было тридцать четыре, невесте – семнадцать. Толстой стыдился своей бурной молодости, когда он спал с проститутками, цыганками и горничными. Крепостная в поместье родила от него ребенка. (Мне нравится, как в биографии автора в первом издании «Анны Карениной» издательства *Penguin* это назвали «жизнью, полной наслаждений».) Толстой так стыдился этих «наслаждений», что показал будущей жене свои дневники, которые в мельчайших подробностях описывали его похождения и венерическое заболевание, к которому они привели. Аналогичный эпизод разыгрывается между Левиным и Кити в

«Анне Карениной». Спустя много десятилетий жена Толстого написала уже в собственном дневнике, что так и не смогла прийти в себя от того потрясения.

Информация о характере Толстого всегда была доступна тем, кому она была интересна. Однако в России интерес к Толстому как реальному человеку (а не Толстому как великому гению) возрос лишь в последнее десятилетие – благодаря «Бегству из рая», удивительной биографии Толстого, написанной Павлом Басинским⁵. Это неортодоксальное исследование о последних днях жизни Толстого получило в России премию «Большая книга». До недавнего времени в России – и испокон веков в академических кругах вообще – к слишком глубокому изучению биографии писателя относились неодобрительно. Считалось, что это мешает по-настоящему понять самое важное – его произведения. Но в книге Басинского было что-то такое, что смогло снять это проклятие для русского читателя, и все сошли по ней с ума. Вся страна как будто задалась вопросом: «А что, если увидеть в Толстом обычного человека, который плохо справлялся с эмоциями, ужасно сердился на жену и имел очень непростые представления о том, как следует готовить яйца?» Именно такого Толстого показал Басинский, и русским это страшно понравилось. У меня нет доказательств того, что потребление яиц от Архангельска до Владивостока резко выросло, но мне нравится так думать.

⁵ Басинский П. В. Лев Толстой: Бегство из рая. М.: Астрель, 2010.

Перед нами человек с тяжелым характером, умеющий взбесить, порой довольно жестокий по отношению к близким и страдающий от собственной натуры. Этим можно объяснить множество противоречий и сложностей, с которыми мы сталкиваемся по ходу прочтения его произведений. Например, с тем, как непросто однозначно описать основные мысли Толстого в «Анне Карениной». Басинский в своей книге также пытается найти объяснение тому, что можно назвать, пожалуй, самым шокирующим случаем самоуничтожения в истории литературы. Почти сразу после завершения работы над «Анной Карениной» Толстой отказывается от художественной прозы в пользу, как он это называл, «духовного перерождения». Как указывалось выше, я знаю, что делать слишком далеко идущие выводы из биографии писателя считается моветоном. Но мне правда кажется, что невозможно не обращать внимания на эту историю. Человек пишет роман, полный эмоций и страсти, который приобретает славу одного из величайших произведений всех времен и народов, а потом поднимает голову и говорит примерно следующее: «Ну что ж, я потратил кучу времени на какую-то бессмысленную ерунду. Теперь, пожалуй, стану пацифистом-вегетарианцем».

Можно с полной уверенностью сказать, что новая репутация Толстого способствовала лучшему пониманию и признанию его творчества. Теперь он воспринимается не просто как литературный полубог, а как всесторонне развитой че-

ловек, который ел вареные груши для улучшения пищеварения (неудивительно, если есть столько яиц). Я уж точно понимаю гораздо больше, зная, что восьмидесятидвухлетний Толстой ходил в двух шапках, потому что у него «зябла голова», что он любил фасоль и брюссельскую капусту (когда ему изредка надоедали яйца) и что однажды жена настолько рассердилась на него за уход из дома без предупреждения, что стала колоть себя ножами, ножницами и булавкой⁶. (Отношения Толстых отличались чрезвычайной изменчивостью, особенно в последние годы, и это усугублялось – что несложно понять – стремлением Толстого отречься от тех произведений, которые поддерживали семью финансово. Не говоря уже о закреплённой за Софьей Андреевной должности Главной Переписчицы романов Толстого.)

⁶ Там же. С. 27.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.